

Seek O. 1900a: Constantine II // RE. IV (1), 1026. 20–1031. 60.
Seek O. 1900b: Constance (3) // RE. IV (1), 948. 20.–952. 10.
Seek O. 1900c: Constantius II (4) // RE. IV (1), 1044. 60–1099. 40.
Seek O. 1900d: Julius Constantius (3) // RE. IV (1), 1043. 60–1044. 60.

THE YEAR 337: CRISIS OF POWER IN THE ROMAN EMPIRE AND «ASSASSINATION OF THE PRINCES»

T. V. Grigoryuk

After the death of Constantine the Great in May 337, the empire fell into political crisis. The sources preserve fragmentary evidence that the army wanted to give power only to Constantine's sons and that Dalmatius the Younger was killed, as well as Constantine's other relations and some higher officials. The full picture of the crisis can hardly be restored, and scholars' opinions vary as to its duration and meaning. Meanwhile, it is generally assumed that *praefectus praetorio* Flavius Ablabius was a victim of the crisis as well as other killed persons. A closer analysis of the sources, however, makes it possible to conclude that he played an active part in the liquidation of Constantine's relatives. It is also probable that he himself was slain by Constance II after the late emperor's family had been done away with.

© 2012 г.

А. В. Марей

КОЛДОВСТВО В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

В статье рассматривается эволюция представлений христианских римских императоров о магии, отразившаяся в их постановлениях, вошедших в Кодекс Феодосия. Автор анализирует место титула «О колдунах, астрологах и им подобных» в структуре IX книги Кодекса, разбирает входящие в него конституции. Особое внимание уделяется возможным источникам исследуемых норм, а также взаимосвязи развития христианства и ужесточения антимагических мер в римском законодательстве.

Ключевые слова: Кодекс Феодосия, магия, прорицание, астрология, некромантия, Книга Даниила, Книга Второзакония, «Сопоставление законов Моисеевых и римских».

Последние два века существования Западной Римской империи представляют собой совершенно особую эпоху в ее политической, социальной и культурной истории. Одним из основных и наиболее значимых факторов в формировании новых тенденций развития римской культуры стало, как известно, принятие христианства как государственной религии Рима, а затем и утверждение его в качестве единственно допустимого вероисповедания. Однако не следует

Марей Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры практической философии факультета философии Национального исследовательского университета Высшей школы экономики.

Исследование проведено при финансовой и организационной поддержке РГНФ: грант № 08-03-00158а «Комментированный перевод Кодекса Феодосия».

забывать о том, что становление и развитие христианской церкви и христианской идеологии на территории Римской империи имело характер долгого, временами противоречивого процесса, в рамках которого менялась не только идеология, но претерпевал серьезные изменения и язык римской культуры, перестраивались культуuroбразующие образы и стандарты. В данной статье делается попытка рассмотреть основные этапы этого процесса на материале «антимагических» норм позднеримского законодательства.

История магии в древнем Риме традиционно привлекала к себе внимание исследователей. На настоящий момент сложно и вряд ли возможно перечислить все работы, посвященные исследованию магических практик, применявшихся в самых разнообразных сферах римского общества, – от заклинаний, призванных повлиять на погоду и урожай, до религиозных обрядов, прорицаний будущего, поиска украденных вещей и составления любовных заговоров и зелий¹. Весьма обширна и литература, посвященная исследованию магии как уголовного преступления, каравшегося в соответствии с римскими законами². Основное внимание исследователей, рассматривающих историю магии как уголовного преступления, традиционно обращено к таким источникам, как Корнелиев закон об убийцах и отравителях, «Апология» Апулея и «Сентенции» Павла³.

При этом парадоксальным кажется практически полное отсутствие работ, посвященных «антимагическому» законодательству римских императоров IV–V вв., собранному в титуле Кодекса Феодосия «О колдунах, астрологах и прочих им подобных» (CTh. IX. 6), а также в близком ему по содержанию титуле Кодекса Юстиниана (C. IX. 7). В качестве исключения можно назвать лишь небольшую статью Ж. Мориса, а также работу К. Кастелло⁴. Однако и в них рассматривается лишь период до конца правления Констанция II, т.е. до 361 г. В данной статье делается попытка хотя бы частично заполнить образовавшуюся лакуну, приняв в качестве основного источника названный выше титул Кодекса Феодосия.

Кодекс Феодосия, сохранивший в себе более или менее полные фрагменты 2526 императорских конституций от Константина I (306–337) до Феодосия II (402–450), был опубликован в начале 438 г. Структурно он был разбит на 16 книг, построенных по тематическому принципу, причем большая часть уголовно-правовых норм была собрана в IX книге⁵. Титул, посвященный магам, астрологам и предсказателям⁶, помещен в самом начале второй трети этой книги. С одной стороны от него расположены титулы, посвященные убийцам и отцеубийцам⁷, с другой – титулы, содержащие законы об осквернении могил и о похищении свободных людей⁸. Подобная

¹ Ager 2010; Desanti 1990; Montero Herrero 1991; Sánchez-Moreno Ellart 2009; Rodríguez Alvarez 1991.

² См. Mommsen 1907, 352–360; Pharr 1932; Dupont 1953, 80–83; Barb 1963; Robinson 1995, 44, 92–94; Rives 2003; Nogrady 2006, 187–197; Harries 2007, 122–131 и т.д.

³ Подробнейший разбор процесса против Апулея, обвиненного в магии, а также превосходный разбор современной литературы по теме см. в работе: Pellecchi 2010.

⁴ Maurice 1927; Castello 1990.

⁵ О Кодексе Феодосия существует огромная библиография, и я не вижу смысла приводить ее здесь. Упомяну лишь несколько работ, обратившись к которым можно получить более полное представление об этом памятнике и ознакомиться с отсылками к историографии: Коптев 1996; Сильвестрова 2007; Harries, Wood 1993; Honoré 1998; Harries 2001 etc.

⁶ CTh. IX. 16: De maleficis et mathematicis et ceteris similibus.

⁷ CTh. IX. 14: Ad legem Corneliam de sicariis; CTh. IX. 15: De parricidis.

⁸ CTh. IX. 17: De sepulchri violati; CTh. IX. 18 Ad legem Fabiam

диспозиция материала, по моему мнению, достаточно ясно свидетельствует о том, к какой группе преступлений законодатель относил магию – она рассматривалась главным образом как покушение на жизнь человека⁹, на его свободу и душу. С другой стороны, в связи с наличием некромантических практик магия сближалась и с таким преступлением, как святотатство (*sacrilegium*), одним из известных видов которого было осквернение могил¹⁰.

Рассматриваемый титул Кодекса состоит из 12 конституций, распределяющихся по времени от Константина I (306–337) до Феодосия II (402–450). Из этих 12 три конституции приписываются Константину I, три – Констанцию II, четыре – императорам Валентиниану I, Валенту I и Грациану, одна приписывается Валентиниану II, Феодосию I и Аркадию и еще одна – Гонорию и Феодосию II. Три конституции были адресованы народу (IX. 16. 2; 4; 5), одна сенату Рима (IX.16.9), остальные – лицам, занимавшим посты префектов претория и префектов Города.

Нормы, включенные в рассматриваемый титул Кодекса Феодосия, делятся на две категории, из которых одна описывает процессуальное право, а вторая – право материальное. Уголовный процесс эпохи Поздней империи представляет собой самостоятельную интереснейшую тему для исследования и, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения¹¹. Поэтому в данной статье я позволю себе ограничиться лишь кратким обзором особенностей процессуального законодательства, направленного против магии, которые присутствуют в рассматриваемых конституциях. Прежде всего следует отметить публичный характер обвинения и следствия по нему: законом Константина отдельно указывается, что человек, подавший обвинение в колдовстве, не будет считаться доносителем¹², а конституцией императоров Валентиниана III, Феодосия и Аркадия устанавливаются жестокие наказания для тех, кто, пренебрегая официальным судопроизводством, учинит самосуд над человеком, подозреваемым в колдовстве¹³. Следствие по обвинениям в колдовстве должны были вести суды одной из высших инстанций империи – префекта города, а в случае необходимости дела могли передаваться и в суд самого императора¹⁴. Поскольку это преступление относилось к категории тяжчайших и зачастую при-

⁹ О понимании римлянами магии прежде всего как действия, направленного против жизни человека см. Rives 2003, 320–322, 327.

¹⁰ CTh. IX. 17. 5; Maurice 1927, 110; Pfaff 1920, 1680.

¹¹ Парадоксально, но факт: по истории уголовного процесса исследуемой эпохи написано прискорбно мало исследований. Позволю себе сослаться на несколько относительно недавно вышедших работ: Pietrini 1996; Pergami 2000; 2007a; 2007b.

¹² CTh. IX. 16. 1: ...*Accusatorem autem huius criminis non delatorem esse, sed dignum magis praemio arbitramur* (319 г.).

¹³ CTh. IX. 16. 11: *Quicumque maleficiorum labe pollutum audierit deprehenderit occupaverit, ilico ad publicum protrahat et iudiciorum oculis communis hostem salutis ostendat. Quod si quisquam ex agitatoribus seu ex quolibet alio genere hominum contra hoc interdictum venire temptaverit aut clandestinis suppliciiis etiam manifestum reum malificae artis suppresserit, ultimum supplicium non evadat geminae suspicionis obnoxius, quod aut publicum reum, ne facinoris socios publicaret, severitati legum et debitae subtraxerit quaestioni aut proprium fortassis inimicum sub huius vindictae nomine consilio atrociori confecerit* (389 г.).

¹⁴ CTh. IX. 16. 10: *Quia nonnulli ex ordine senatorio maleficiorum insimulatione adque invidia stringebantur, idcirco huiusmodi negotia urbanae praefecturae discutienda permisimus. Quod si quando huiusmodi inciderit quaestio, quae iudicio memoratae sedis dirimi vel terminari posse non creditur, eos, quos negotii textus amplectitur, una cum gestis omnibus praesentibus adque praeteritis ad comitatum mansuetudinis nostrae sollemni observationi transmitti praecipimus* (371 г.).

равнивалось к покушению на императорское величество¹⁵, при дознании по нему было разрешено применение пыток. Так, в случае если человек, уличенный по обвинению в колдовстве, продолжал отпираться от своей вины, его предписывалось вздернуть на дыбу и начать раздирать ему грудь железными когтями¹⁶. Лицам, в отношении которых колдовство было доказано и приговор вынесен, могла быть назначена смертная казнь, как правило, через сожжение, или высылка на острова с конфискацией всего имущества.

На развитии материального права в области законодательства против магии следует остановиться гораздо подробнее. Отнесенные к этой группе нормы наглядно демонстрируют динамику развития в отношении христианских императоров к магическим и оккультным практикам и дают возможность выделить в нем три основных этапа. Первый представлен двумя законами Константина, датированными 319 г., в которых под страхом смерти или изгнания запрещалось проводить частные занятия прорицанием и приглашать в свой дом прорицателей для проведения ими надомных сеансов. Следует обратить внимание на то, что запрещены были именно частные занятия, в то время как в храмах и публичных местах прорицать не запрещалось¹⁷. Наказанием за нарушение этого запрета служил костер для самого прорицателя и ссылка на острова с конфискацией имущества для его хлебосольного хозяина¹⁸. В данном случае Константин, очевидно, следовал давней сложившейся практике, запрещавшей частное прорицание в Риме. Причина этого запрета, как известно, коренилась в нежелании императоров, начиная с Августа, позволять сенаторам путем прорицания узнавать о том, не суждено ли им в будущем занять императорский трон¹⁹.

Анализируя текст этого запрета, впервые введенного сенатусконсультom Помпония и Руфа и сохранившегося в «Сопоставлении законов Моисеевых и римских» в передаче Ульпиана, К. Кастелло утверждал, что именно оттуда он и был заимствован Константином²⁰. Однако с моей точки зрения, более вероятно, что источником

¹⁵ См. ряд законов, включенных в титул «О помиловании», например, CTh. IX. 38. 3: *Ob diem paschae, quem intimo corde celebramus, omnibus, quos reatus adstringit, carcer inclusit, claustra dissolvimus. Adtamen sacrilegus in maiestate, reus in mortuos, veneficus sive maleficus, adulter raptor homicida communione istius muneris separentur* (367 [369] г.), а также IX. 38. 4; 6; 7; 8.

¹⁶ CTh. IX. 16. 6: *...Si convictus ad proprium facinus detegentibus repugnaverit pernegando, sit eculeo deditus unguisque sulcantibus latera perferat poenas proprio dignas facinore* (358 г.).

¹⁷ Maurice 1927, 108. См. CTh. IX. 16. 2: *Haruspices et sacerdotes et eos, qui huic ritui adsolent ministrare, ad privatam domum prohibemus accedere vel sub praetextu amicitiae limen alterius ingredi, poena contra eos proposita, si contempserint legem. Qui vero id vobis existimatis conducere, adite aras publicas adque delubra et consuetudinis vestrae celebrate sollemnia: nec enim prohibemus praeteritae usurpationis officia libera luce tractari* (319 г.). Cp. IX. 16. 1: *...superstitioni enim suae servire cupientes poterunt publice ritum proprium exercere*; XVI. 10. 1: *...dummodo sacrificiis domesticis abstineant, quae specialiter prohibita sunt* (320 г.).

¹⁸ CTh. IX. 16. 1: *Nullus haruspex limen alterius accedat nec ob alteram causam, sed huiusmodi hominum quamvis vetus amicitia repellatur, concremando illo haruspice, qui ad domum alienam accesserit et illo, qui eum suasionibus vel praemiis evocaverit, post ademptionem bonorum in insulam detrudendo* (319 г.).

¹⁹ Castello 1990, 668.

²⁰ Castello 1990, 668. См. Coll. 15. 2. 1, *Ulp.* 7 off.: *Praeterea interdictum est mathematicorum callida inpostura et obstinata persuasio. Nec hodie primum interdici eis placuit, sed vetus haec prohibitio est. Denique extat senatusconsultum Pomponio et Rufo cons. factum, quo cavetur, ut mathematicis Chaldeis ariolis et ceteris, qui simile inceptum fecerunt, aqua et igni*

для данного закона послужила строчка из книги Второзакония²¹, в искаженном виде вошедшая в то же «Сопоставление...»²². Очевидно, что в приведенном фрагменте из сочинения Ульпиана запрещается сам факт занятий колдовством и порицанием, а наказанием за это служит «отрешение от воды и огня», т.е., лишение правоспособности и изгнание за пределы римского государства с полной конфискацией имущества. Во втором же фрагменте предписывается именно «отдалить от себя» всякого рода людей, практикующих оккультные дисциплины, т.е. запретить им находиться в частных домах, что, как представляется, ближе к сути запрета, изданного Константином. Санкция же, установленная императором за нарушение его запрета, содержит практически прямую отсылку к знаменитому фрагменту из «Сентенций» Павла, где предписывается самих магов предавать огню, а хранящих у себя дома магические книги, если те окажутся знатными людьми, приговаривать к высылке на острова²³.

К первому из описываемых трех этапов следует отнести и третью конституцию, изданную Константином в 321 или 324 г.²⁴, где проводится различие между двумя видами магии – вредоносной, за которую следует приговаривать людей к смертной казни, и полезной, которую полагалось не только не порицать, но и поощрять²⁵. К «полезной» магии были отнесены заклинания, призванные защитить урожай от излишнего дождя и града, а также лекарства, предназначенные для исцеления болезней. Судьба этой конституции на Востоке и на Западе довольно занимательна.

Она без малейших изменений была перенесена в Кодекс Юстиниана (С. IX. 18. 4), несмотря на то, что он отличался гораздо большей жесткостью в распоряжениях относительно магии и прочих оккультных практик. Можно предположить две причины, повлиявшие на решение юристов Юстиниана в данном случае. Применительно к заклинаниям это можно объяснить тем, что подобного рода заклания могли быть интерпретированы как молитвы о чуде, признававшиеся христианской

interdicatur omniaque bona eorum publicentur, et si externarum gentium quis id fecerit, ut in eum animadvertatur.

²¹ Deu. 18: 10: Nec inveniatur in te qui lustret filium suum aut filiam ducens per ignem aut qui ariolos sciscitetur et observet somnia atque auguria ne sit maleficus.

²² Coll. 15. 1. 2, *Moys.*: Non inveniatur in te auguriator nec inspector avium nec maleficus aut incantator nec Pythonem habens in ventrem nec haruspex nec interrogator mortuorum nec portenta inspiciens.

²³ PS. 5. 23. 17–18: Magicae artis conscios summo supplicio adfici placuit, id est bestiis obici aut cruci suffigi. Ipsi autem magi vivi exuruntur. Libros magicae artis apud se neminem habere licet; et penes quoscumque reperti sint, bonis ademptis, ambustis his publice, in insulam deportantur, humiliores capite puniuntur. Non tantum huius artis professio, sed etiam scientia prohibita est. Cp. D. 48. 8. 3.5, *Marcian.* XIV inst.: Legis Corneliae de sicariis et veneficis poena insulae deportatio est et omnium bonorum ademptio. sed solent hodie capite puniri, nisi honestiore loco positi fuerint, ut poenam legis sustineant: humiliores enim solent vel bestiis subici, altiores vero deportantur in insulam.

²⁴ К. Кастелло (1990, 680) предлагает считать эту конституцию первой из трех и вслед за Зеккелем датирует ее 318 г.

²⁵ CTh. IX. 16. 3 [=Brev. IX. 13. 1]: Eorum est scientia punienda et severissimis merito legibus vindicanda, qui magicis accincti artibus aut contra hominum moliti salutem aut pudicos ad libidinem deflexisse animos deteguntur. Nullis vero criminationibus implicanda sunt remedia humanis quaesita corporibus aut in agrestibus locis, ne maturis vindemiis metuerentur imbres aut ruentis grandinis lapidatione quaterentur, innocenter adhibita suffragia, quibus non cuiusque salus aut existimatio laederetur, sed quorum proficerent actus, ne divina munera et labores hominum sternerentur.

церковью и довольно часто встречавшиеся в раннем христианском фольклоре²⁶. В том же, что касается лекарств, приготовленных для излечения человеческих болезней, то за *remedia humanis corporibus* в тексте императорской конституции достаточно ясно просматриваются *venena bona*, описанные как Гаем в «Комментариях к законам XII таблиц», так и Элием Марцианом в «Институциях», фрагменты которых вошли в Дигесты Юстиниана²⁷.

В то же время в интерпретации, сопровождавшей эту конституцию в Бrevиарии Алариха (506 г.)²⁸, разделение магии на «черную» и «белую» было упразднено, а вместо колдунов, исцеляющих людей и защищающих посевы в сельской местности, появились смущающие умы людей «насылатели бурь» и «заклинатели демонов», которых было предписано казнить «всевозможными казнями». Еще через полтора века эта формулировка в ее гипотетической части была заимствована вестготским королем Хиндасвинтом в его закон «О колдунах и их сообщниках», вошедший в состав соответствующего титула Вестготской правды²⁹. Санкция, правда, была изменена: вместо «всевозможных казней» было предписано приговаривать колдунов к двумстам публичным ударам кнутом и к позорному обриванию, а после этого – к принудительному обходу в таком виде десяти ближайших селений, чтобы показать всем свой позор и утратить своим примером других людей.

Второй этап совпадает с правлением Констанция II (337–361), человека, как отмечали многие исследователи, крайне суеверного и испытывавшего ужас перед магией³⁰. Конституции этого императора, вошедшие в исследуемый титул Кодекса Феодосия, резко выделяются на общем фоне своей чрезмерной риторической насыщенностью и жесткостью санкций, обращаемых на нарушителей закона. Уже в первой из трех конституций, изданной Констанцием совместно с Юлианом и датированной 25 января 357 г.³¹, место одиноких *haruspices* из текстов Константина занимает полный спектр магических специализаций: в постановлении перечислены предсказатели, гадатели, астрологи, птицегадатели, прорицатели, маги и халдеи, объединенные под родовым названием *malefici*, т.е. колдуны или

²⁶ Loomis 1948, 94–97.

²⁷ D. 50. 16. 236pr., *Gai.* 4 ad l. XII tab.: Qui «venenum» dicit, adicere debet, utrum malum an bonum: nam et medicamenta venena sunt, quia eo nomine omne continetur, quod adhibitum naturam eius, cui adhibitum est, mutat...; D. 48. 8. 3pr.–2, *Marcian.* XIV inst.: Eiusdem legis Corneliae de sicariis et veneficis capite quinto, qui venenum necandi hominis causa fecerit vel vendiderit vel habuerit, plectitur. §1. Eiusdem legis poena adficitur, qui in publicum mala medicamenta vendiderit vel hominis necandi causa habuerit. §2. Adiectio autem ista «veneni mali» ostendit esse quaedam et non mala venena. Ergo nomen medium est et tam id, quod ad sanandum, quam id, quod ad occidendum paratum est, continet, sed et id quod amatorium appellatur...

²⁸ CTh. IX. 16. 3 [=Brev. IX. 13. 1]. Interpr.: Malefici vel incantatores vel inmissores tempestatum vel hi, qui per invocationem daemonum mentes hominum turbant, omni poenarum genere puniantur.

²⁹ LVis. VI. 2. 4: Malefici vel inmissores tempestatum, qui quibusdam incantationibus grandines in vineis messibusque immittere peribentur, vel hii, qui per invocationem demonum mentes hominum turbant, seu qui nocturna sacrificia demonibus celebrant eosque per invocationes nefarias nequiter invocant, ubicumque a iudice vel actore sive procuratore loci repperit fuerint vel detecti, ducentenis flagellis publice verberentur et decalvati deformiter decem convicinas possessiones circuire cogantur inviti, ut eorum alii corrigantur exemplis.

³⁰ Barb 1963, 110; Maurice 1927, 112 и т.д.

³¹ Паола Кунео предлагает датировать эту конституцию 6 декабря 356 г. (Cuneo 1997, 308).

чародеи³². Во второй конституции, датируемой декабрем 357 г.³³, этот список дополняется некромантами, заклинающими духов мертвых, чтобы вредить живым³⁴. Наконец, в третьем антимагическом постановлении Констанция, изданном в июле 358 г., император возвращается к перечню, сформулированному в CTh. IX. 16. 4 – разница лишь в том, что в этой конституции, адресованной префекту претория Тавру, речь идет о колдунах и чародеях, живущих и практикующих при дворе самого императора или цезаря³⁵.

Представляется, что анализ терминологии данных постановлений в немалой мере способен помочь в установлении их источника или, по крайней мере, в определении текста или текстов, оказавших влияние на составителей этих нормативных актов. Нельзя согласиться с позицией К. Кастелло и Дж.Б. Райвза, предлагавших возводить рассматриваемые тексты к «Сентенциям» Павла³⁶ или еще дальше – к Корнелиеву закону об убийцах и отравителях³⁷. Против этих утверждений говорит терминологический анализ рассматриваемых источников: полного текста Корнелиева закона до нас не дошло, а «Сентенции» Павла не содержат такого лексического многообразия, как постановления Констанция. Единственный известный мне текст правового характера, содержащий более или менее похожий перечень магических специальностей, – это уже упоминавшийся ранее фрагмент книги Второзакония, включенный в «Сопоставление законов Моисеевых и римских»³⁸.

Однако если посмотреть на проблему немного шире и обратить внимание не только на нормативные источники, то можно найти еще несколько текстов, подробно перечисляющих виды магии и чародейства. Прежде всего, речь идет о ветхозаветной книге пророка Даниила. Именно там, в начале второй главы, когда Навуходоносор, смущенный сном, призывает к себе мудрецов земли вавилонской, чтобы растолковать сновидение, в числе мудрецов перечислены маги, чародеи, предсказатели, гадатели и халдеи³⁹. Можно предположить, что юристы двора Кон-

³² CTh. IX. 16. 4 [=Brev. IX. 13. 2]: *Nemo haruspicem consulat aut mathematicum, nemo hariolum. Augurum et vatum prava confessio conticescat. Chaldaei ac magi et ceteri, quos maleficos ob facinorum magnitudinem vulgus appellat, nec ad hanc partem aliquid moliantur. Sileat omnibus perpetuo divinandi curiositas. Etenim supplicium capitis feret gladio ultore prostratus, quicumque iussis obsequium denegaverit.*

³³ П. Кунео (1997, 309) датирует ее декабрем 356 г.

³⁴ CTh. IX. 16. 5: *Post alia: multi magicis artibus ausi elementa turbare vitas insontium labefactare non dubitant et manibus accitis audent ventilare, ut quisque suos conficiat malis artibus inimicos. Hos, quoniam naturae peregrini sunt, feralis pestis absumat.*

³⁵ CTh. IX. 16. 6: *...etsi omnes magi, in quacumque sint parte terrarum, humani generis inimici credendi sunt, tamen quoniam qui in comitatu nostro sunt ipsam pulsant propemodum maiestatem, si quis magus vel magicis contaminibus adsuetus, qui maleficus vulgi consuetudine nuncupatur, aut haruspex aut hariolus aut certe augur vel etiam mathematicus aut narrandis somniis occultans artem aliquam divinandi aut certe aliquid horum simile exercens in comitatu meo vel Caesaris fuerit deprehensus, praesidio dignitatis cruciatus et tormenta non fugiat...*

³⁶ Rives 2003, 331.

³⁷ Castello 1990, 690.

³⁸ См. выше прим. 21–22.

³⁹ Dan. 2: 2: *Praecepit ergo rex ut convocarentur arioli et magi et malefici et Chaldei et indicarent regi somnia sua qui cum venissent steterunt coram rege...*; 2: 10: *Respondentes ergo Chaldei coram rege dixerunt non est homo super terram qui sermonem tuum rex possit implere sed neque regum quisquam magnus et potens verbum huiusmodi sciscitatur ab omni ariolo et mago et Chaldeo*; 2: 27: *Et respondens Danihel coram rege ait mysterium quod rex interrogat sapientes magi et arioli et aruspices non queunt indicare regi*; 4: 4: *Tunc ingrediebantur arioli magi Chaldei et aruspices et somnium narraui in conspectu eorum et solutionem eius non*

станция II, а возможно и сам император, были знакомы с текстом книги Даниила, имевшей хождение в составе так называемой *Vetus Latina*, т.е. латинской Библии до перевода ее Иеронимом (отсутствие на настоящий момент критического издания текста мешает утверждать это со всей определенностью).

Есть и еще один источник, без которого невозможно обойтись, рассматривая терминологию постановлений Констанция II. Речь идет о «Божественных установлениях» Лактанция, которые наверняка были известны при императорском дворе. Во II книге своего трактата, озаглавленной «О происхождении заблуждения»⁴⁰, Лактанций обращается среди прочего и к критике астрологии, предсказания, и прочих искусств, изобретенных демонами⁴¹. Упомянутая глава открывается перечислением магических искусств, по мнению Лактанция, ложных и предназначенных вводить в обман человека⁴². Чуть ниже, говоря о магах, Лактанций упоминает и тех, «кого народ называет чародеями»⁴³, что дословно совпадает с формулировкой рассматриваемых конституций из Кодекса Феодосия⁴⁴. Полагаю, что подобное совпадение дает все основания утверждать, что «Божественные установления» были, возможно, и не единственным, но почти наверняка одним из источников постановлений Констанция II, направленных против магии.

За пестрой терминологией постановлений Констанция несколько теряется весьма важный факт, который отмечал в частности Сантьяго Монтеро Эрреро: Константин упраздняет введенное его предшественником разделение между «полезной» и «вредной» магией, а также различие между прорицанием частным и публичным⁴⁵. Отныне на территории Римской империи запрещалось колдовство в любых его видах.

Правление Валентиниана I началось с некоего эдикта о веротерпимости⁴⁶, на который он сам ссылается в одной из конституций, изданных ближе к концу его царствования⁴⁷. Этой конституцией, датированной 371 г., вновь, после эдиктов Констанция, было разрешено прорицание – Валентиниан особенно подчеркивал, что запрещается не само прорицание, но «вредоносное его использование»⁴⁸. Однако это было, пожалуй, единственное смягчение в императорской политике по отношению к магии – все остальные постановления Валентиниана, Валента

indicaverunt mihi (курсив мой. – А.М.). Интерпретацию этого пассажа у Даниила и анализ приведенных наименований мудрецов, с особым упором на халдеев, см. в ряде работ, посвященных языку и текстологической традиции книги Даниила: Millard 1977, 69–71; Van der Toorn 2001, 39–40.

⁴⁰ *Lact. Inst. II: De origine erroris*.

⁴¹ *Lact. Inst. II. 17: Astrologiam, aruspicinam et similes artes esse daemonum inventa*.

⁴² *Lact. Inst. II. 17pr.: Eorum inventa sunt astrologia et aruspicina et auguratio, et ipsa quae dicuntur oracula, et necromantia, et ars magica et quidquid praeterea malorum exercent homines, vel palam, vel occulte*.

⁴³ *Lact. Inst. II. 17. 4: ...magi, et ii quos vere maleficos vulgus appellat...*

⁴⁴ CTh. IX. 16. 4 [=Brev. IX. 13. 2]: ...Chaldaei ac magi et ceteri, quos maleficos ob facinorum magnitudinem vulgus appellat; IX. 16. 6: ...Si quis magus vel magicis contaminibus aduetus, qui maleficus vulgi consuetudine nuncupatur...

⁴⁵ Montero Herrero 1991, 81 ss.

⁴⁶ Подробнее об этом эдикте см. Pergami 1993, 126.

⁴⁷ CTh. IX. 16. 9: Haruspicinam ego nullum cum maleficiorum causis habere consortium iudico neque ipsam aut aliquam praeterea concessam a maioribus religionem genus esse arbitror criminis. Testes sunt leges a me in exordio imperii mei datae, quibus unicuique, quod animo inbibisset, colendi libera facultas tributa est. Nec haruspicinam reprehendimus, sed nocenter exerceri vetamus. (371 г.).

⁴⁸ Desanti 1990, 153 ss.

и Грациана сохраняли жесткость и, можно даже сказать, жестокость прежнего периода.

Короткая конституция, датируемая сентябрем 364 г., запрещает ночные жертвоприношения и магические ритуалы⁴⁹. Несложно заметить, как это и делали в разное время различные исследователи⁵⁰, что эта норма во многом повторяет одно из постановлений Констанция (CTh. IX. 6. 5), отличаясь от него только одним существенным реквизитом – акцентом на том, что запрещаемые действия должны совершаться ночью (впрочем, представление о том, что самые жуткие магические обряды должны совершаться ночью, было своеобразным общим местом для римской культуры⁵¹). Еще одно постановление тех же императоров под страхом смертной казни запрещает не только практиковать астрологию, но и обучать ей публично или частным образом, мотивируя это тем, что равная вина лежит как на обучающем, так и на обучаемом⁵². Эта конституция служит в некотором роде промежуточным звеном между сохраненным в Кодексе Юстиниана постановлением Диоклетиана и Максимиана (294 г.), запрещавшим обучение астрологии, противопоставляя ее геометрии⁵³, и эдиктом императоров Гонория и Феодосия II (409 г.), предписывавшим всем астрологам публично отречься от своих убеждений и сжечь свои книги, а в противном случае – подвергнуться высылке⁵⁴. Последнюю конституцию в свою очередь следует рассматривать лишь в контексте предшествовавшего ей знаменитого эдикта *Cunctos populos*, изданного Феодосием I в 380 г. (CTh. XVI. 1. 2).

Впрочем, эта норма представляет собой логичный финал развития законодательной деятельности императоров Позднего Рима, посвященной магии. Всякая оккультная деятельность, связанная с изучением, преподаванием или применением магических знаний, ритуалов или обрядов, отныне считалась запрещенной и подлежащей всемерному искоренению. Более того, можно отметить, что начиная примерно с середины V в. борьба с оккультными практиками стала исключительной прерогативой христианской церкви, и дальнейшее развитие антимагического правотворчества следует изучать с опорой на акты поместных и вселенских соборов, а также на сочинения отцов церкви.

Литература

Коптев А.В. 1996: Кодификация Феодосия II и ее предпосылки // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1, 247–261.

Сильвестрова Е.В. 2007: *Lex Generalis*. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н.э. М.

⁴⁹ CTh. IX. 16. 7 [=Brev. IX. 13. 3]: *Ne quis deinceps nocturnis temporibus aut nefarias preces aut magicos apparatus aut sacrificia funesta celebrare conetur. Detectum atque convictum competenti animadversione mactari, perenni auctoritate censemus.*

⁵⁰ Maurice 1927, 115; Barb 1963, 105; Desanti 1990, 148.

⁵¹ См. Pellicchi 2010 и т.д.

⁵² CTh. IX. 16. 8: *Cesset mathematicorum tractatus. Nam si qui publice aut privatim in die noctuque deprehensus fuerit in cohibito errore versari, capitali sententia feriatur uterque. Neque enim culpa dissimilis est prohibita discere quam docere.* О проблемах датировки этой конституции см. Pergami 1993, 307, 530.

⁵³ C. IX. 18. 2: *Artem geometriae discere atque exerceri publice intersit. Ars autem mathematica damnabilis interdicta est.*

⁵⁴ CTh. IX. 16. 12: *Mathematicos, nisi parati sint codicibus erroris proprii sub oculis episcoporum incendio concrematis catholicae religionis cultui fidem tradere numquam ad errorem praeteritum redituri, non solum urbe Roma, sed etiam omnibus civitatibus pelli decernimus. Quod si hoc non fecerint et contra clementiae nostrae salubre constitutum in civitatibus fuerint deprehensi vel secreta erroris sui et professionis insinuaverint, deportationis poenam excipiant.*

- Ager B. 2010: Roman Agricultural Magic. Diss. PhD. Ann Arbor.
- Barb A. 1963: The Survival of Magic Arts // The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century / A. Momigliano (ed.). Oxf., 100–125.
- Castello C. 1990: Cenni sulla repressione del reato di magia dagli inizi del principato fino a Costanzo II / Atti dell'Accademia romanistica costantiniana. VIII convegno internazionale. Napoli, 665–694.
- Cuneo P. 1997: La legislazione di Costantino II, Costanzo II e Costante (337–361). Milano.
- Desanti L. 1990: Sileat omnibus perpetuo divinandi curiositas. Indovini e sanzioni nel diritto romano. Milano.
- Dupont C. 1953: Le Droit criminel dans les constitutions de Constantin. T. 1. Les infractions. Lille.
- Harries J. 2001: Law and Empire in Late Antiquity. Cambr.
- Harries J. 2007: Law and Crime in the Roman World. Cambr.
- Harries J., Wood I. (eds.). 1993: The Theodosian Code. Studies in the Imperial Law of Late Antiquity. L.
- Honoré T. 1998: Law in the Crisis of Empire, 379–455 AD. The Theodosian Dynasty and Its Quaestors. With a Palingenesia of Laws of the Dynasty. Oxf.
- Loomis C. 1948: White Magic. An Introduction to the Folklore of Christian Legend. Cambr. (Mass.).
- Maurice J. 1927: La terreur de la magie en IVe siècle // Revue historique du droit français et étranger. IV série. 6, 108–120.
- Millard A. 1977: Daniel 1–6 and History // Evangelical Quaterly, 49(2), 67–73.
- Mommesen T. 1907: Le Droit pénal romain / J. Duquesne (trad.). T. II. P.
- Montero Herrero S. 1991: Política y adivinación en el Bajo Imperio Romano: emperadores y harúspices (193 D.C.–408 D.C.). Bruxelles.
- Nogrady A. 2006: Römisches Strafrecht nach Ulpian: Buch 7 bis 9 De officio proconsulis. B.
- Pellecchi L. 2010: L'accusa contro Apuleio: linee retoriche e giuridiche // Eparcheia, autonomia e civitas Romana. Studi sulla giurisdizione criminale dei governatori di provincia (II sec. a.C.–II d.C.) / D. Mantovani, L. Pellecchi (a cura di). Pavia, 171–334.
- Pergami F. 1993: La legislazione di Valentiniano e Valente (364–375). Milano.
- Pergami F. 2000: L'appello nella legislazione del tardo impero. Milano.
- Pergami F. 2007a: *Accusatio-inquisitio*: ancora a proposito della struttura del processo criminale in età tardoantica // Atti dell'Accademia romanistica costantiniana. XVI convegno internazionale. Napoli, 595–608.
- Pergami F. 2007b: Amministrazione della giustizia e interventi imperiali nel sistema processuale della tarda antichità. Milano.
- Pfaff J. 1920: Sacrilegium // RE. II. Reihe. I/2, 1678–1681.
- Pharr C. 1932: The Interdiction of Magic in Roman Law // Transactions and Proceedings of the American Philological Association, 63, 269–295.
- Pietrini S. 1996: Sull'iniziativa del processo criminale romano (IV–V secolo). Milano.
- Rives J. 2003: Magic in Roman Law: the Reconstruction of a Crime // Classical Antiquity, 22, 2, 313–339.
- Robinson O. 1995: The Criminal Law of Ancient Rome. Baltimore.
- Rodríguez Alvarez L. 1991: Nueva aproximación al tema del «veneficium» // Labeo, 37, 305–338.
- Sánchez-Moreno Ellart C. 2009: Ulpian and the Stars. The *actio iniuriarum* against the Astrologer: Some Reflections about D. 47. 0. 5. 3 (*Ulp. lib.77 ad edictum*) // Iuris antiqui historia. An International Journal on Ancient Law, 1, 195–222.
- Van der Toorn K. 2001: Scholars at the Oriental Court: the Figure of Daniel against Its Mesopotamian Background // The Book of Daniel. Composition and Reception / J. Collins, P. Flint (eds.). Vol. I. Leiden e.a., 37–54.

MAGIC IN THE LATE ROMAN IMPERIAL LEGISLATION

A.V. Marey

The author analyses the evolution of the idea of magic reflected in the decrees of Christian Roman Emperors included in the Theodosian Code. He describes the place of the chapter *De maleficis* in the structure of Book IX of the Theodosian Code and analyses its constitutions. Special attention is paid to the possible sources of the norms described and to the connection between the evolution of Christianity and the tightening of anti-magic legislation.